

НАБЛЮДЕНИЯ О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ БЕЛОРУССКОГО ГОРОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ АКТОВ КНИГИ ПОЛОЦКОГО МАГИСТРАТА ЗА 1656–1657 гг.)

Дук Д. В.

Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые черты повседневной жизни и быта населения Полоцка по актам Книги полоцкого магистрата за 1656–1657 гг. Книга полоцкого магистрата дает представление об особенностях организации городской жизни, о средствах и способах коммуникаций, а также о наличии ряда предметов, инструментов и их использовании. Также актовая Книга полоцкого магистрата характеризует некоторые черты погребального обряда православного населения Полоцка. Проведенный анализ в целом дополняет наши представления об особенностях повседневной жизни белорусского города в эпоху раннего Нового времени.

Ключевые слова: Полоцк, раннее Новое время, городская жизнь, недвижимое имущество, бытовые предметы, погребальный обряд.

Summary. The article discusses some features of everyday life and life of the population of Polotsk according to acts of the Book of the Polotsk magistrate for 1656–1657. The book of the Polotsk magistrate gives an idea of the features of the organization of urban life, the means and methods of communication, as well as the presence of a number of things and their use. Also, the assembly book of the Polotsk magistrate characterizes the funeral rite of the Orthodox population of Polotsk. The analysis complements in general our ideas about the features of the daily life of the Belarusian city in the era of the Early Modern Age.

Keywords: Polotsk, Early Modern Age, city life, real estate, household items, funeral rite.

Материалы текущего документооборота магдебургского Полоцка XVII в. сохранились в составе 5 актов книг магистрата. Эти книги представлены в фонде 1823 «Полоцкий магистрат» Национального исторического архива Беларуси (далее – НИАБ). Из них книга 1656–1657 гг. содержит сведения времен войны России с Речью Посполитой в период захвата Полоцка царем и великим князем московским Алексеем Михайловичем.

Материалы данной книги из фондов НИАБ широко использовались в историографии М.Ю. Гордеевым, В.В. Голубовичем и автором данной статьи. Книга охватывает события с сентября 1656 г. по август 1657 г. и была подготовлена к печати М.Ю. Гордеевым, а впервые опубликовал книгу в 2012 г. А.Б. Довнар [1]. Публикация книги расширила возможности доступа к ней широкой читательской аудитории, что избавляет нас от необходимости перечисления большого количества ценных предметов в тестах (завещаниях). Материальная культура раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) в целом, а также топонимика и топография Полоцка, была предметом специального исследования.

В настоящей статье обратим внимание на возможности реконструкции отдельных эпизодов повседневной жизни, в том числе затрагивающих коммуникативную ее часть, которые выпали из поля зрения исследователей. Интересующие нас упоминания о некоторых особенностях организации городской инфраструктуры, о средствах и способах коммуникации, деталях интерьеров и бытовых предметах позволяют расширить наши представления о той эпохе, условиях жизни городского населения. Отдельно остановимся на упоминании обрядов и традиций. Вкупе с данными археологии это значительно расширяет возможности исследователей для воссоздания полноты картины повседневной городской жизни белорусского города в XVII в.

Упоминание объектов недвижимости являлось едва ли не главным в тестах, «протестациях», жалобах и прочих документах, являющихся основой текстов книги. Помимо городской топографии и топонимики, актовая книга дает возмож-

ность узнать особенности использования данных объектов. Например, недвижимое имущество могло стать «движимым», что объясняется спецификой военного времени. Так, во время наступления «рати праведной» царя Алексея Михайловича полоцкая мещанка Татьяна Бучыная покинула город, а когда вернулась, то узрела, что мещанин Яско Козинец «собравшы светлицу ее и сени, на Екимани побудованые, к себе за Двину перевез и побудовал...» [2, л. 49]. Рабочей силой, осуществляющей столь дерзкий перевоз, являлись московские солдаты: «В тот час без нее солдаты тую светлицу и сени зъ Екимани, собравшы, на сюю сторону к самому месту Полоцкому перепровадили...» [2, л. 49].

Повреждение недвижимого имущества могло происходить, например, и при угоне скота и осуществлялось «таемным способом»: «В ноцы проломавшы тынь, вывелъ и укралъ коня» [2, л. 132]. Впрочем, способов «крадежу» было много, один из самых изощренных из них описан в жалобе о краже имущества с клети на улице Великой: «З стаини у прыгребцу влезшы, стену ку свирну до заулочку тесного, до которого з боков уволити нелзе было, вырезавшы, и диру великую учинившы, оную палубами, абы не видно было, заставившы и зарумовавшы... тою дирую з стаини в заулочок входече, в гору з боку свирна шлучне, фортелне у двадцати местах помост и стену свидром покрутили и, натрафивши на жыто, дирами прокручоными якосе им подбало и коли им потреба было, с того свирна, подославшы лубъ, молчком таемне и злодеиско брали и пожытковали» [2, л. 359 об.].

Из деталей интерьера домов упомянуты оконные рамы со стеклом, железная заслонка от печи, жернова, стол и сундуки различных видов: «оболон трох избных, заслоны железное, жорон перцовыи и стола зъ скрынею, што все ув ызбе было [2, л. 445]. «Оболоны» (деревянные оконные рамы со стеклом, закрепленным в свинцовых оправы) использовались в помещениях и домах «светличных», это значит отапливаемых изразцовыми печами «по белому». Такие печи имели дымоход, выведенный наружу через кровлю. В XVII в. такие печи были камерные, изготавливались из пластинчатых изразцов, остатки печей и изразцы широко представлены в археологических коллекциях. А вот железных заслонок археологами в Полоцке до сих пор не обнаружено, здесь в культурном слое сохранились только фрагменты керамических заслонок от печи. В своем доме мещанка Татьяна Омельянова-Шеремет имела «печ светличную и избную, и кухню в сенях, толко комина <мастер – примечание Д.В. Дука> не вывел за дах» [2, л. 473 об.].

Разнообразные сундуки («скрины», «коробки», «шкатулы») с замками, с оковками, малые, средние и «великие», упоминаются практически во всех тестах. В них хранили ценные вещи (одежду, ткани, нити, серебряную, бронзовую и медную посуду, украшения, деньги и прочие ценности) [2, л. 505 об.–506]. Эти же «шкатулы» активно прятали вместе с вещами и даже ценными бумагами (как правило, имущественными документами) в лесу, огороде и иных тайных местах – их закапывали в землю в качестве кладов до лучших времен. Книга магистрата 1656–1657 гг. изобилует описанием таких «шкатул» в составе кладов в силу специфики военного лихолетья.

Характеризует быт того времени наличие постельного белья и «перин», среди которых указаны наволочки, матрасы и подушки: «пограбил... и здержал у себе перыну одну, подушку з наволочкою одну и особно наволочку порожнюю», «перын двое впул с пухом» [2, л. 138 об., 152 об., 232 об., 338 об.].

Особую ценность представляла керамическая импортная посуда, в одном из тестах особо отмечена «мисочка глиняная заморская» [2, л. 139]. Керамические «заморские» миски, а вернее их фрагменты, весьма редкие в археологических коллекциях. Найденные фрагменты импортных мисок и тарелок, как правило, были расписными. В описях имущества состоятельного населения сведений о керамической посуде нет, редко речь может идти о наличии таковой в инвентарях имущества городской бедноты наряду с деревянной и лубяной (например,

в описях по криминальным делам), в отличие, например, от «начиння цынового» (посуды из бронзы). Но в археологических коллекциях Полоцка «заморская» импортная керамика так же редка, как и «цыновая», деревянная не встречается вовсе. Зато местная керамическая посуда составляет подавляющее количество находок.

Погребения православного населения в середине XVII в. осуществлялись на кладбищах при церквях Святого Богоявления и Рождества Христова (данная церковь известна в археологической литературе как «церковь на рву» и является памятником полоцкой школы зодчества XII века) [2, л. 450 об.]. При этом церковь Рождества Христова не пережила войну 1654–1667 гг., по крайней мере сведения о ней после 1667 г. в письменных источниках отсутствуют. После войны прекращает функционировать кладбище при церкви, что подтверждается данными археологии.

Тестаменты проливают свет на некоторую особенность погребального обряда. Так, деревянный гроб с телом покойной (здесь и далее речь идет о представительницах православной конфессии) накрывался ручником: «Тело ее грешное почтively способом христианским пры церкви Светого Богоявления погребли и поховали, яко на сынов, матку свою милуючых, прыналежит. И назначыла обрус лепшыи тькацъкьи, абы труна оным по звычайу покърыта была» [2, л. 474].

По давней традиции погребения могли осуществляться непосредственно в храмах. Так, мещанка Анастасия Прокоповна Васильева Паукова давала наказ, чтобы ее «христианским способом поховали у прытворе у церкви Богоявления Светого» [2, л. 98]. При этом муж и сын «суkenку саевую чорную на тело мое грешное вложит мают, и обрус на труну мою» [2, л. 98 об.].

При проведении ремонтных работ в подвалах данной церкви в 2000-х гг. несколько погребений были вскрыты. Со слов антрополога О.А. Емельянич, ей довелось изучать останки погребенных в храме, после чего данные останки были перезахоронены там же. Данные антропологической экспертизы еще не опубликованы. Многочисленные археологические материалы, в том числе и по итогам изучения кладбища при церкви Рождества Христова, целиком подтверждают, что погребения XVII в. в подавляющем большинстве случаев были безинвентарными. Археологически следов «суkenки» и «обруса» зафиксировать по прошествии времени в культурном слое по понятным причинам не удается.

В книге упомянуты средства коммуникации: наземные («возы») и плавучие («струги», «чолны» и «плоты»). Повозки («возы») перемещались на колесах, некоторые из них оснащались кожаными навесами («возы з колами», «возом двумя с кожыцю») [2, л. 339 об.].

В перечне товаров, которые «с Полоцка рекою Двиною чолном под Рыгу спровадили», упоминается товар «зъ хлебом печоным, горелкою, табакою, обуем розным и огурков солоных бочка» [2, л. 135]. Возвращаться из Риги приходилось вверх по течению, «в гору»: «У в одном чолне порожном зъ Рыги в гору ехали» [2, л. 161]. Для плавательных средств использовали парус, по крайней мере им оснащались челны (в книге упомянут «парус чолновыи» ценою «золотых два») [2, л. 273]. Для осуществления коммуникации грузов брали, соответственно, «фъракту» за перевоз. В долгом пути использовались «особъливе наметы»: «Два розбитые, один велики, другии мнейшыи» [2, л. 135 об.], фактически данные «наметы» были ничем иным, как походными палатками.

Из объектов коммуникаций следует выделить мосты. Мосты через широкие реки, как, например, Двина, возводились на понтонах. В качестве понтонов вероятно, использовались те же струги. Мосты имели сезонный характер. Согласно записи в магистратской книге, один из плотов, на котором перевозили по реке Двине в Полоцк сено, разбился, наскочив на мост, который «на прышестъвие праведнаго государя, царя на реце Двине зготованыи» [2, л. 182]. Данный мост, вполне очевидно, был сделан вскоре по приходу в Полоцк московского царя Алексея Михайловича и принадлежал «осударю». Периодически возникала необходимость в разведении моста для речной навигации, случались и природные катаклизмы, приводившие к «разорванию» моста, о чем свидетельствует следующая запись: «Чолон..., который пропал под час разорваньи мосту осударового на реце Двине в Полоцку» [2, л. 468].

Из актовой книги мы узнаем о практиках перегона скота, как, например, из давнего форпоста Полоцкой земли Кукенойса: «С под Куконавза до Полоцка послали през них коров трыдцать чотыры да коней четвора» [2, л. 163].

Упомянуты в книге и кузнечные инструменты как значительная ценность: «Выбрал зъ земли весь варстат ковалскии, которые они, уходечы од рати праведнаго государя царя, в лесе закопали были, опроч толко меха не было, а то весь варстат схован был» А у него, Алексея Федоровича, показало лице, то ест кавадло кавалское» [2, л. 456 об.]. «Варстат ковальский» представлял собой кузнечный горн с мехами, которые к тому времени были утрачены, помимо горна упомянуто и наковальня.

Употребление в быту ругательств – «слов неподобных и неучтивых» также нашло отражение в книге. В частности по отношению к женщине таковыми «неучтивыми» словами, употреблением которых обвиняемый «лжыл и безчестил» женщину, являлись обзывание одной «ведьмою и нецънотою» [2, л. 518]. При этом под «нецънотою» на практике следует понимать употребление более сильных выражений.

О традиции дарить перстень в знак помолвки свидетельствует жалоба мещанина Ивана Шаши на мещанина Хомку Андреевича Кравченка о невыполнении обещания жениться на его сестре: «А потом, взявшы он, Хомка, перстенок сребраный у панны, прыобецал на замовины у неделю перед Загустами Великими прыйти, а не прышол, але потом ыншою оженился» [2, л. 238 об.]. Помимо морального аспекта, серебряный перстенок «ценою за таляр купленого» так и не был возвращен.

По записи в актовой книге можно судить о едва ли не первой фиксации современного устойчивого произношения местными жителями топонима «Полацк» со вставной гласной в конечном сочетании «цк»: «За прыездом их в *Полоцок* в року прошлом» [2, л. 472].

Отметим также, что книга содержит огромный пласт информации касаясь мужской и женской одежды, обуви, предметов культа, украшений (поясов, ожерелий и проч.), полотенец церковных («тувальни») и ручников, оценки их состояния и стоимости. В целом, приведенные сведения из магистратской книги позволяют значительно расширить наши представления о повседневной городской жизни Полоцка в 1656–1657 гг.

Литература:

1. Акты Книги полоцкого магистрата за 1656–1657 гг. (составитель – М.Ю. Гордеев, подготовка к печати – А.Б. Довнар) // Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слов, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О.Н. Левко [и др.] ; редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.) ; науч. ред. О.Н. Левко ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2012. – С. 545–700.
2. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1823. Опись 1. Дело 1. Актовая книга Полоцкого магистрата за 1656–1657 гг.